

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ЛЮБВИ

А.ОРЛОВ*

В психологии нет другого, столь же мистифицированного понятия, как любовь, утверждает автор. Рассмотрев теологическую концепцию любви, в соответствии с которой Бог есть любовь, и светскую, психологическую, где любовь выступает в качестве одного из атрибутов человека, он приходит к эзотерической концепции как единственно верной. Любовь – сущность человека. Она живет в нем как его самый сокровенный внутренний центр. С этой точки зрения, подлинная психотерапия может быть только восстановлением контакта человека с его собственной сущностью.

*«Любовь не нуждается в объекте,
любовь – это излучение твоей сущности...»
Ошо, «О женщине»***

Можно смело утверждать, что любовь – самая популярная тема всех времен и народов. Контент-анализ особенностей любой культуры неизменно и неизбежно выводит эту тему на самую верхнюю позицию в рейтинге всех мыслимых тем. Общий объем всего созданного – наговоренного, написанного, изображенного, помысленного и совершенного – людьми на тему и в связи с темой любви не поддается никакому учету и измерению. Тема поистине необозрима. И даже лишь один из ее аспектов – сексуальность, как свидетельствует более чем столетняя история психоаналитических исследований, – претендует на универсальность и соразмерность человеческой природе как таковой.

Вместе с тем, не менее очевидно, что все те вариации, которые претерпела тема любви в индивидуальном и общественном сознании на протяжении тысяч лет существования человеческой культуры, не сделали наши представления о самой любви более ясными и отчетливыми. Мало того, не будет преувеличением сказать, что тема любви, пожалуй, – самая не проясненная, непонятная, загадочная и, как мне представляется, самая мистифицированная тема в человеческих взаимоотношениях. Все попытки означить и обозначить сам феномен любви приводили к тому, что он лишь скрывался за сонмом слов, оставаясь столь же невыраженным, непонятым,

* Орлов Александр Борисович – доктор психологических наук, сотрудник Института дошкольного образования РАО, практикующий психотерапевт.

** Ошо. «О женщине». К., «София»; М., ИД «София», 2003.

неразгаданным. Какими бы ни были определения любви – «Бог» (*Евангелие*), «чувство» (обыденное сознание), «сублимированное сексуальное влечение» (*З.Фрейд*), «инвазия архетипического содержания» (*К.Юнг*), «способность и искусство» (*Э.Фромм*) и т.д., – все они делают ее лишь частью того или иного мифа. Что же касается различений, которые пытаются вводить в понятие любви, то фактически они не идут дальше триады, известной еще древним грекам, – эрос, филос и агапе.

Свою задачу мы видим в том, чтобы, выявив существо основных мистифицирующих представлений о любви, наметить принципиально иной способ ее понимания и означивания, хотя бы еще не намного приблизившись к этому бесконечно важному для человека и бесконечно загадочному феномену.

Экзотерические концепции любви

Если мы зададимся целью рассмотреть существующие дефиниции любви, то увидим, что они (как и соответствующие им представления) являются составными частями двух диаметрально противоположных концепций. Одну из них можно назвать *религиозной* (клерикальной), другую – *светской* (секулярной). В соответствии с первой концепцией «*Бог есть любовь*». Любовь, определяемая и понимаемая в рамках данной концепции как не просто один из атрибутов, но сама сущность Бога, при этом отчуждается и отторгается от человека, которому в качестве земного его удела отводится лишь грех (грязь, похоть и стыд) – неотъемлемая часть его двойственной природы. Даже любовь к Богу оказывается в этом случае лишь неточным обозначением, символизирующим уподобление Всевышнему, стремление к нему и жертву, выше которых человеку не суждено подняться в своих даже самых духовных, самых религиозных проявлениях. Таковы в предельно общих чертах теологические представления о любви, которые особенно явно представлены в современном христианстве и его практике спасения душ.

Вторую концепцию, вклад в которую наравне с наивным обыденным сознанием вносят и гуманитарные науки, можно назвать *психологической*. Ее основная особенность заключается в том, что любовь всегда рассматривается как одно из качеств, атрибутов человека. Согласно данному подходу, любовь есть *чувство* (наряду с другими чувствами), *переживание* (наряду с другими переживаниями), *влечение* (наряду с другими влечениями), *способность* (наряду с другими способностями) и т.д. Такая атрибутивная природа любви, определение ее посредством тех или иных свойств человека, – характерная особенность психологических представлений об этом явлении. Во многом продиктованные феноменологией обыденного сознания, они говорят нам о том, что любовь – лишь одна из

«частей» человека и его жизни, что можно жить без любви (подобно тому как можно жить без ноги, чувства юмора или математических способностей), что любовь можно иметь или не иметь, что ее (подобно вещи или мастерству) можно находить, культивировать, делать и даже... покупать (что бы ни пели в этой связи всеобщие сладкоголосые кумиры).

Иначе говоря, в рамках психологических представлений любовь трактуется буквально в зеркальной оппозиции теологической концепции как всецелое достояние, собственность человека.

При всей, на первый взгляд, ясности и самодостаточности как теологической, так и психологической концепций любви самих по себе, они, как уже отмечалось, явно противоречат и даже противостоят друг другу. Невозможно принять одновременно обе эти системы представлений как, своего рода, А и не-А, поскольку приверженность любой из них неизбежно влечет за собой полное отрицание другой.

Однако, на наш взгляд, в самом факте существования двух этих полярных концепций любви заключено свидетельство неполноты и недостаточности каждой из них в отдельности. Следует отметить, что эта недостаточность явно обнаруживается не только в плане теории, но и в плане феноменологии. Так, например, сколько бы ни означивали человеческую любовь «грехом», «похотью», «наваждением» и «прелестью», отдельные люди и человечество в целом с завидным упорством и явным внутренним свидетельством продолжают называть определенные моменты человеческой жизни словом «любовь». Клерикальной догме неизменно противостоит внутренняя очевидность данной человеческой, жизненной формы. И сколько бы ни говорили человеку, испытывающему любовь, о том, что это лишь наваждение, его внутреннее свидетельство не сможет отрицать очевидность любви, данную в непосредственном опыте. Отрицание же человеческой любви, своего рода доказательство ее несуществования, возможно лишь при одном условии – психического (невротического или психотического) слома самого человека.

С другой стороны, психологическая концепция любви также обнаруживает в плане феноменологии свою явную противоречивость и несостоятельность в не менее очевидных фактах неподконтрольности и неподвластности любви человеку, в фактах ее особой и самостоятельной жизни, не зависящей не только от желаний и намерений человека, но даже от самого его физического существования. И сколько бы ни приводили нам (от лица обыденной социальности) примеров «вещной природы» любви, сколько бы ни сообщали нам (от лица науки) данных о мозговых структурах и центрах, феромонах и виагре, психокоррекции и психотерапии партнерских отношений, тренингах сензитивности и коммуникативности, мы-то знаем, что все это – «не про то». Никто не может управлять и манипули-

ровать любовью, поскольку она не только не вещь (наряду с другими вещами), но и не некое свойство (наряду с другими свойствами), принадлежащее человеку.

Таким образом, у нас есть все основания для того, чтобы усомниться в истинности и полноте каждой из двух основных систем представлений о любви. Двигаясь в логике гегелевской триады, мы начали с тезиса (двух основополагающих концепций любви), затем перешли к антитезису (их отрицанию и, тем самым, к демистификации привычных представлений о любви), а теперь мы стоим перед необходимостью сформулировать некий новый синтез, иное, третье представление о любви.

Эзотерическая концепция любви

Если любовь не сущность Бога и не атрибут человека, то – что же тогда она собой представляет? Рассуждая сугубо логически, данное «третье» или своего рода «отрицание отрицания» можно сформулировать следующим образом. Если любовь не атрибут, то, следовательно, она есть сущность; если любовь – не сущность Бога, то, следовательно, она есть сущность человека. Так выглядит искомый синтез. На наш взгляд, он представляет собой единственную дефиницию любви, которая может объяснить существующие недостатки ее прежних определений и их несоответствия очевидной феноменологии любви.

Сущность человека принадлежит человеку, но принадлежит особым образом. Любовь – это такая «собственность», которой можно обладать. Более того, она является неотъемлемой, ею нельзя не обладать. Однако, это такая «собственность», которой нельзя манипулировать, нельзя управлять. Она живет в каждом человеке как его самый сокровенный и самый внутренний центр, как нечто, что всегда стоит за каждым из человеческих проявлений, но что обычно скрыто и лишь в очень редкие мгновения жизни обнаруживает себя непосредственно. Именно эти мгновения человек называет любовью.

Важно подчеркнуть, что согласно этой концепции, феноменология любви не имеет никакого отношения к ее «предмету». Любовь – это не теологический (только знаемый) и не психологический (только субъективный) феномен, но исключительно и только *субъективный* и эзотерический феномен, имеющий отношение только к ее субъекту, т.е. человеку, обнаруживающему и проявляющему собственную сущность, собственную любовь. Иначе говоря, любовь имеет отношение только к любящему(ей). Любимым(ой) при этом может быть кто угодно, достаточно лишь оказаться в «поле любви». О какой бы любви мы ни говорили – детской, братской, от-

цовской, материнской, партнерской, общечеловеческой («любви к ближнему») – мы можем утверждать, что важны лишь два основных условия: любящий(ая) должен(на) тем или иным способом обрести контакт со своей сущностью, тогда как любимый(ая) может быть кем угодно. И в этом смысле для любящего(ей) в момент любви совсем не важно (как, впрочем, и в ее подчас продолжительном «шлейфе»), любит ли сама(сам) любимая(ый). Подобно импринтингу – этой специфической форме научения у животных, не делающей для утенка различий «между уткой и небольшой вёсельной лодкой» (*Лоренц*), любовь не делает различий между теми, на кого она оказывается направленной. Именно поэтому, как говорит народная мудрость, «любовь слепа». Вряд ли здесь нужны примеры случаев такой «слепоты». В соответствии с данной концепцией мы лишь можем усилить этот тезис, сказав, что любовь всегда слепа.

Еще одно важное положение этой эзотерической концепции любви заключается в том, что любовь – это обычно непродолжительное состояние, не более (скорее, даже менее) продолжительное, например, чем время цветения куста жасмина или пиона, сравнительно со временем его «не цветения».

Таким образом, можно говорить о трех различных формах взаимоотношения любви и жизни: первая из них – «жизнь без любви» (или точнее, период жизни, когда человек не имеет актуальных контактов с собственной сущностью), вторая – это «жизнь-любовь» и, наконец, третья – «жизнь в шлейфе любви».

Если посмотреть на данную «периодизацию» глазами психотерапевта, то станет вполне очевидно, что ни человек, живущий без любви, ни человек, живущий любовью, не нуждаются ни в какой психотерапии и лишь человек, живущий в шлейфе любви – клиент или пациент.

Это происходит в силу следующих причин.

Первая из них заключается в том, что для такого человека существует контраст между любовью и ее отсутствием. Эту ситуацию можно сравнить с той, в которой импринтинг актуально больше не действует. Человек живет «по старой памяти», но по большому счету он глубочайшим образом дезориентирован.

Вторая причина клиентствования в шлейфе любви состоит в том, что «слепота любви» и, следовательно, любящего(ей) сменяется прозрением полюбившего(ей). Он(а) постепенно обнаруживает, что, подобно утенку из нашего этологического примера, плывет вовсе не за «уткой», а за какой(им)-то тетей(дядей) или даже за небольшой вёсельной лодкой, которая сама по себе не только равнодушна к его (утенка) существованию, но может (не по злобе, а просто по своей собственной природе) пребольно

«шарахнуть» его веслом по голове. Экзистенциальная дезориентированность сочетается тем самым с экзистенциальным страхом.

Третью причину «любвонной травмы» мы видим в том, что подлинная любовь, как правило, оказывается неразделенной. Во всяком случае, прецеденты синхронизированных во времени и пространстве контактов двух людей с их сущностями весьма маловероятны. Современная жизнь очень далека от того, чтобы содействовать этому. Наш «утенок» в результате не просто дезориентирован и испуган. Не чувствуя встречной любви, не ощущая извне даже аутентичного ей отклика, он неизбежно испытывает, а время от времени и осознает острую душевную боль.

Всякая подлинная психотерапия может быть, на наш взгляд, только восстановлением контакта человека с его собственной сущностью. Такая психотерапия предполагает демистификацию всякой «любви к» (к родителям, родственникам, партнерам, не испытывающим любовь, не любящим и, следовательно, не заслуживающим любви). Такая психотерапия предполагает также обретение человеком гораздо более адекватного видения и понимания реальности собственной жизни и жизни других людей. Это такое видение и понимание, для которых предельной свободой и ответственностью, альфой и омегой является «быть любовью» без каких бы то ни было иллюзий и упований, ожиданий и эмоций, адресованных в этой связи другим людям. Любовь – это связь не столько с другими людьми, сколько с самим собой, или, метафорически говоря, это свет, идущий из центра вовне.

Связывая в своем сознании внутренне самоочевидный факт любви лишь со своим чувством или лишь с определенным(ой) другим(ой) – его(ее) внешностью, его(ее) личностью – человек тем самым мистифицирует любовь, искажает и ограничивает ее подлинную реальность, в результате утрачивая с ней контакт.

Чтобы проиллюстрировать этот самый драматичный момент инволюции любви в сознании человека, воспользуемся простой метафорой. Представьте себе точечный источник света, равномерно излучающий кванты и волны света в окружающее его пространство. Это радиальное излучение делает видимыми, рефлексирующими все предметы, расположенные в этом пространстве. Теперь представьте, что у источника света имеется некая в целом непрозрачная оболочка, в которой есть лишь одно очень маленькое отверстие, снабженное ко всему прочему еще и фокусирующей линзой. Из этого отверстия вырывается тонкий луч света, сконцентрированный только на одном из предметов окружающего пространства. При этом все другие предметы, как, впрочем, и сам источник света, оказываются погруженными во тьму. Здесь и возникает «иллюзия ночи»: «светит Луна, Солнце не светит». Луна – эта «лампада ночи», светящаяся холод-

ным, отраженным и чужим светом, подменяет собой Солнце, звезду, реально являясь лишь ее мертвым подобием – астероидом.

Происходит иллюзорное, мистифицирующее действо – место излучающего занимает отражающее. Осуществляется двойная подмена, радикальное искажение действительности.

Если представить, что и наши воображаемые «источник света» и «объект, лишь отражающий свет» обладают сознанием (т.е. способны жить – действовать, общаться, чувствовать), то получим все те экзистенциальные следствия, которые терпит человек, живущий в шлейфе любви, – потеряность, страх и боль.

Можно сказать, конечно, что жизнь в любви (как и жизнь без любви) – удел немногих. Большинство людей живет в шлейфе любви. Однако сам этот «шлейф» подвергается, как правило, мощной переработке посредством разнообразных и каждый раз индивидуально организованных механизмов психологической защиты. Функциональный смысл их действия заключается в том, чтобы минимизировать дезориентацию, страх и боль, наполняющие существование человека, живущего в шлейфе любви. Отсюда все те «вытеснения», «регрессии», «идентификации», «сублимации», «рационализации», «проекции» и «изоляция», с которыми так или иначе приходится иметь дело каждому практикующему психотерапевту.

Человек, живущий в шлейфе любви, а это практически каждый(ая) из нас, несет в себе ощущение любви, память о ней, но эта память, образуя самое ценное содержание его личного опыта, сокрыта от других (а подчас и от него самого) личностными формами жизни, образованными в результате действия механизмов психологической защиты. Вместе со всем этим такой человек несет в себе и неудовлетворенную потребность в любви, скрытую подчас не менее глубоко и выражаемую вовне в весьма искаженных формах.

Демистификация представлений о любви – это открытое обращение к такому человеку, обращение, суть которого сводится к тому, что любовь есть особое *самоотношение* – рискованное путешествие одиночки, в котором априорно нет другого. Как мы уже говорили, этим «другим» в любви может оказаться кто (и что) угодно – не обязательно другой человек, но вселенная, природа, человечество, дело, идея, организация, хобби, домашнее животное, растение и даже вещь... И чем сильнее опредмечивание любви в таком «другом», чем сильнее сфокусированность «луча» любви, тем сильнее степень самоутраты и мистифицированности любви, тем тяжелее их психические последствия.

Именно поэтому очень важно точно означивать и конгруэнтно осознавать любовь, как и присваивать это состояние, не проецируя его на другого и/или другое. Ведь только в этом случае можно удерживать и длить

любовь. И, напротив, всякий раз, когда происходит жесткое «опредмечивание» любви, ее исходный(ая) обладатель(ница) неизбежно терпит утрату и оказывается в шлейфе любви, становясь уже не любящим(ей), а любившим(ей). Здесь, как правило, еще не происходит встречи с другим, но

уже происходит утрата самого(ой) себя. А это основополагающая утрата. Человек, живущий в разлуке с самим собой, в принципе не может ни любить, ни встретить другого человека. Вот в чем, на наш взгляд, заключается главная проблема человеческого существования и, одновременно, главная проблема психотерапии. И в этом смысле демистификация любви есть демистификация психотерапии, выявление ее главной проблемы – преодоления разлуки человека с самим собой, со своей сущностью и со своей... любовью.

Три психопрактики любви

Все сказанное нами ранее относилось, скорее, к «теории вопроса», к тому, как люди могут понимать любовь, какие представления о любви можно назвать устоявшимися, типичными, а какие – относительно новыми, нетрадиционными. Однако мы хорошо знаем, что представления людей обычно тесно связаны с их действиями, поведением, образом жизни в целом, иначе говоря, что те или иные теории неизбежно оказывают определяющее влияние на практическую сторону их жизни.

Теперь пришло время поговорить о трех различных практиках любви, стоящих за тремя ее концепциями – теологической, психологической и эзотерической.

Практика, обусловленная теологическими представлениями о любви, – это практика самоумаления и самообесценивания, покаяния и жертвенности, самоотрицания и самоутраты. «Братья во Христе» и «невесты Христовы», строго и последовательно исповедующие приверженность теологическим представлениям о любви, неизбежно отказываются от этого мира, уходят от него, «умирают» для него. Установление финальной связи требует обрыва всех тех, что существовали раньше. Аскеза, понимаемая в самом широком смысле, – вот то, что отсекает человека от всей его прежней жизни и от прежнего самого себя. Не должно остаться ничего прежнего, человек должен потерять все: свои потребности, свои чувства, свои отношения, свое имя, свои вещи... Важнейший отказ – отказ от собственной воли. Человек, идущий по пути теологической любви, неизбежно вверяет и отдает себя воле своего «духовного пастыря», который сам существует как часть церковной иерархии.

Движение по теологическому пути означает на практике полное принятие и исполнение предустановленного «устава», культивирование само-

умерщвления, «денную и ночную» выделку того пустого «сосуда», который способен принять в себя любовь Бога. Но даже этот конечный пункт нельзя в полной мере назвать любовью, хотя бы и сыновней любовью, поскольку это есть лишь ниспосланная свыше благодать, единственно возможный для человека способ приобщения к любви, которая есть Бог. Ее источник находится там, и человек может лишь вместить «вышний свет», став его проводником в миру. Итак, данная практика любви – это аскеза и, следовательно, – жестокая и непрекращающаяся борьба человека со своей греховной природой, искушениями и прелестями, борьба духа и плоти.

Практика, строящаяся на основе психологических представлений о любви, выглядит как прямая и полная противоположность всему тому, о чем говорилось выше. Ее основной мотив – самовозвеличивание. Ее основная логика – логика приобретения: если любовь есть нечто мое, то, следовательно, ее должно быть больше. Согласно данной логике поиск, нахождение, усиление любви (как бесспорной позитивной ценности) – это поиск, нахождение и усиление в себе (или в другом, в «предмете» любви) тех или иных ценных свойств. Иначе «что» и, главное, «за что» любить? С древнейших времен и вплоть до нашего времени постмодернизма этот культ собственного самовозвеличивания и самосовершенствования (как приобретения) остается неизменным. Одно из его лаконичных означиваний – олимпийский девиз: «*Citius, altius, fortius*» («быстрее, выше, сильнее»). Какие бы (подчас предельно крайние) формы он ни обретал – от «девственности и чистоты» до «*vagina & penis enlargement*» – его суть оставалась прежней: обретение любви сводится к тому, чтобы (по)нравиться, привлечь, обрести ценность для него(нее), повлиять на кого-то теми или иными своими качествами, собой. Неслучайно в итоге (в обществе потребления, как оговариваются при этом) ключевыми оказываются слова: «top», «high», «huge», «VIP». Важно также все, что «круто», обеспечивает «улет», «упаковку» и т.п. Чем выше рост, статус и IQ, чем длиннее ноги, ресницы и волосы, чем толще кошелек, губы и золотые цепи, чем больше машина, бицепсы и груди, чем дороже часы, украшения и меха, чем сильнее влияние, связи и личность, тем больше шансов стать любимым(ой), заполучить любовь. Возможно, сам этот неистребимый в людях культ стяжательства и приобретения – всего лишь искаженная форма неудовлетворенной потребности в любви.

Так или иначе, но все, что связано с формой, модой, стилем, имиджем, с телесной и вещной собственностью, со статусом и властью, становится особенно ценным и важным. Важно также овладевать вниманием и манипулировать своими и чужими потребностями. Человеку не достаточно просто быть или даже стать ценным, важно рекламировать, подавать и выгодно продавать свои способности и самого себя. Любовь – очень удачная

и выгодная сделка. Такое «самосовершенствование», такой «личностный рост» в своей основе строится на использовании внешних средств и ресурсов. Совсем не важно, что именно они из себя представляют. Эти средства могут быть как природным газом, выкачивание которого из земных недр увеличивает личный банковский счет, так и искусственным силиконом, закачивание которого под кожу увеличивает груди и губы. Этими средствами могут быть и фитнесцентр, накачивающий брюшной пресс, бицепсы и ягодицы, и косметический центр, устраняющий подкожный жир и целлюлит, и психологический центр, персонализирующий имидж и катектирующий либидо. Совершенство оказывается в этой гонке очень желанным, но недостижимым пределом: 90х60х90, «Мадонна-Шварценеггер», «дядюшка из Чикаго». Общая устремленность к этим кумирам, никогда не находящая своего удовлетворения, постоянно держит под угрозой напряжением рутину жизни, исподволь сдвигая ее в области, более точно означаемые такими словами, как экстаз, экстази, экстрим.

Практика так понимаемой любви делает акцент на том, чтобы, став привлекательным(ой), привлечь и понравиться другой(ому), ввести ее(его) в состояние устремленности ко мне, сделать себя объектом любви. Практикуя такую любовь, человек все более уподобляется объекту, вещи. В то же самое время любая вещь, как известно, не может ни любить, ни быть любимой (лишь фигурально!). Она может лишь нравиться и доставлять удовольствие(я). Самовозвеличивание человека оборачивается его самомалением, рост – деградацией. Любовь оборачивается сексом, властью, насилием, ненавистью.

Таким образом, если в случае теологической практики любви происходит опустошение и очищение «сосуда скорби» с целью его подготовки к восприятию и вмещению «горней благодати», то в случае психологической практики имеет место, напротив, наполнение этого «сосуда» до самых краев всякой всячиной, имеющей спрос на рынке. *Человек как таковой* и в том, и в другом случае оказывается не у дел. И в том, и в другом случае у него нет шансов на любовь, поскольку обе эти практики, как бы далеки друг от друга они ни были, уводят его от самого себя.

Однако если понимать любовь как собственную сущность, как контакт с этой сущностью, как ее голос и неискаженное проявление в жизни, то практика такой любви требует от человека совсем иного. На этом третьем пути человеку прежде всего важно (по)чувствовать и в определенном смысле (по)любить самого себя. Любить означает здесь предельно полно соответствовать собственной сокровенной сердцевине. Любить означает здесь давать любовь. Такая любовь возможна только тогда, когда сам человек становится любовью. Человек как таковой может любить и не лю-

бить, но когда он вступает в контакт с собственной сущностью, то он утрачивает эту произвольную способность, поскольку любовь не может не любить, она просто есть.

Практика такого третьего пути невозможна без интеграции человеком различных фрагментов собственного эмоционального опыта, без внутренней работы самоисследования, самопринятия и самовыражения. Короче говоря, такая практика невозможна вне аутентифицирующей психотерапии, цель которой состоит вовсе не в том, чтобы избавить, излечить нас от тех или иных личностных несовершенств и дефектов, частных проблем и комплексов. Ее цель гораздо более радикальна – избавить человека от всего того, что он усвоил в ходе своей жизни и с чем себя ошибочно отождествляет. Практика этого третьего пути одновременно и «убивает» личность человека, и «развивает» ее. Она убивает личность как самое ценное в человеке, открывая при этом нечто, действительно не имеющее цены, поистине бесценное. Она культивирует понимание, способность и опыт служения личности не чему-то и кому-то вовне, в сверхчувственном или же чувственном мирах, но той предельной ценности, которая открывается во внутреннем мире самого человека, в его собственном центре. Человек здесь не просто некое греховное начало (альфа), как на первом пути, не просто желанный конец (омега), как на втором, он одновременно есть и альфа, и омега, начало и конец – развивающийся диалог личности и сущности. Аутентифицирующая психотерапия – это позитивное посредничество в таком диалоге, его фасилитация.

Итак, теория и практика демистификации любви говорят нам: любовь – это вовсе не он(она) и не то, что есть между ними, а то, что есть «за» каждым и «в» каждом, *за* личностью и *в* сущности каждого человека. Любовь – это неискаженное предъявление человеком миру своей сердцевины.

* * *

В заключение отметим, что два первых (экзотерических) пути открыты человеку на протяжении тысяч лет. Это до боли привычные дороги. Как правило, идущие по жизни толпы людей неизменно предпочитают и выбирают сулящий удовольствия психологический путь. А теологическим путем следуют, как правило, те люди, которые потерпели катастрофу или же оказались в непреодолимом тупике, первоначально двигаясь «мирской стезею». Но, так или иначе, практика любви на этих двух экзотерических путях, совершающаяся в жизни миллионов людей на протяжении тысяч лет, принесла людям очень мало любви и очень много боли, разочарования, отчаяния и ненависти.

Эзотерическая теория и практика любви – путь, медленно открывающийся для массы людей в течение лишь последних ста лет. Еще нельзя сказать с очевидностью, каковы будут результаты движения по этому пути, результаты этого проекта в целом. Пока ясно лишь одно – это единственная существующая альтернатива прошлому. Ни бегство человека от этого мира, ни все более стремительный бег человека в этом мире, ничего не изменяют. Изменить существующее может лишь остановка самого этого бега и обращение бегущего к самому себе, преодоление его разлуки с самим собой. Вот то новое, что привносит в мир практика аутентифицирующей психотерапии и что по-настоящему отличает ее от других – традиционных – практик. И как бы сейчас ни называли этот путь – просветление, индивидуация, психосинтез, личностный рост, метанойя, трансперсональная медитация, аутентификация, персонификация, обожение, согласная молитва, теопрактика – он есть тот единственный по-настоящему новый путь и для каждого конкретного человека, и для мира в целом.